

Вечерело. Закатное солнце заливало мягким светом Особняк Номер Один, который стоял на острове посреди Тихого озера. Окруженное со всех сторон водой, поместье прижималось к бескрайним лугам и густому пихтовому бору. Издалека оно казалось строгим, величественным собором, затерянным в лесной чаще.

Стаи голубей косо проносились под сводами портиков, возвращаясь в гнезда вслед за уходящим солнцем. Белоснежные перья, окаймленные блеклым золотом закатных лучей, плавно опускались на резные стены из светлого камня, напоминавшего благородный белый нефрит.

Шэн Юань приоткрыл створку окна забинтованной рукой. В комнату хлынул свежий воздух, пахнувший влажной хвоей и прелыми грибами. Метеорологическая служба Юньчуаня еще пару дней назад объявила, что затяжные ливни, терзавшие город больше трех недель, наконец прекратились. Этой весной Юньчуань побил пятидесятилетний рекорд по количеству осадков.

Распогодилось, и сезон дождей наконец отступил.

Шэн Юань подобрал оброненное голубем перышко с подоконника и замер у окна, подставив лицо легкому вечернему бризу. Закатное солнце ласкало его щеки, подсвечивая кожу нежным, полупрозрачным сиянием.

С высоты своего окна он видел величавых лебедей на золотистой глади озера, старого дворецкого, кормившего голубей во дворе, и непоседливого Яояо, который крутился под ногами старика и бесцеремонно воровал крошки хлеба.

Шэн Юань действительно обосновался в Особняке Номер Один. Он и его верный щенок наконец нашли здесь приют.

Птицам наглый и вечно голодный пес быстро надоел. Захлопав крыльями, они принялись клевать его в пушистый зад. Яояо с жалобным визгом бросился наутек и, поджав хвост, попытался спрятаться за широкими брючинами дядюшки Ли.

«Глупый трусишка, сам же полез», — беззлобно усмехнулся про себя Шэн Юань.

Дядюшка Ли подхватил скулящего забияку за шкурку и прижал к себе. Словно почувствовав на себе чужой взгляд, старик поднял голову к окну Шэн Юаня. Его мутноватые от старости глаза ласково сощурились.

Он плавно опустил правый указательный палец вниз, обозначая закат, а затем поднял большой палец вверх.

Это означало: «Добрый вечер».

Жесты новичков всегда выглядят немного утрированно, словно по учебнику. Шэн Юань тепло улыбнулся и громко, чтобы старик расслышал, крикнул:

— Добрый вечер, дядюшка Ли!

Стоило хозяину особняка привезти глухого юношу в усадьбу и устроить его здесь со всеми удобствами, как за несколько дней прислуга, повара и сам дворецкий освоили азы жестового языка. Они разучили простые бытовые фразы вроде «здравствуйте», «до свидания» и «вам чем-нибудь помочь?».

Дворецкому в его почтенные годы наука давалась нелегко. С простыми жестами он справлялся, но стоило замахнуться на что-то сложнее, как пальцы его путались. Вот и сейчас с предельно серьезным видом он показал Шэн Юаню нечто совершенно невразумительное.

Юноша, однако, обладал живым умом. Напрягая воображение, он все же сумел расшифровать это послание. Слегка склонив голову набок, он уточнил:

— Вы говорите... мне пришло письмо?

— Разве в наше время кто-то еще отправляет бумажные письма? — засомневался юноша.

Дядюшка Ли с гордостью похлопал себя по груди и уверенно жестикулировал:

«Верь мне. Старик врать не станет».

Разумеется, ведь он сам это письмо туда и положил.

Шэн Юань недоверчиво улыбнулся, но от окна отошел. Он бесшумно миновал залитый мягким светом коридор и легко, словно едва касаясь земли, сбежал по ступеням крыльца. Вечерний ветер растрепал его светлые волосы. В глазах юноши отразились густеющие сумерки, стирая тревогу и оставляя лишь теплую, тихую грусть.

Его появление в этом строгом, чопорном особняке казалось спонтанным и странным. Он явно не вписывался в вековой уклад усадьбы, но при этом привносил в нее дыхание жизни — словно яркий, чарующий кадр из старого кино.

Постепенно обживаясь в Особняке Номер Один, Шэн Юань стал замечать множество изящных винтажных деталей: витражи в стиле Тиффани под самой крышей, лаковый рояль в мастерской и старый белый почтовый ящик у кованых садовых ворот.

Недавние нескончаемые дожди сильно повредили сад, оставив после себя побитые клумбы. Пожилой садовник с узкой лопаткой в руках как раз бережно убирал увядшие стебли и сажал

свежие семена. Заметив Шэн Юаня, он срезал белоснежную веточку эустомы и протянул ее юноше, неловко показав жестами:

«Красивый цветок. Для красивого тебя».

— Спасибо... — смутился Шэн Юань. К его щекам прилил нежный румянец.

В этих стенах он встретил столько искреннего тепла, сколько не видел за всю свою жизнь. Конечно, он понимал: прислуга заботится о нем лишь потому, что так велел дядя. И все же Шэн Юань не мог не дорожить этой мимолетной, драгоценной нежностью.

Аккуратно прижав цветок к груди, он приоткрыл дверцу почтового ящика. Внутри действительно лежал плотный конверт из крафтовой бумаги. На нем изящным каллиграфическим почерком было выведено традиционными иероглифами: «Шэн Юаню».

Получить бумажное письмо тихим закатным вечером в усадьбе, где оживает само прошлое, — это походило на красивую сцену из старой киноленты. Подобные совпадения дарили удивительное чувство, будто он случайно перенесся в прошлый век.

Шэн Юань вернулся в свою комнату, бережно неся письмо и эустомы. Выпросив у повара чистую стеклянную бутылку, он налил в нее воды, поставил цветы на подоконник и замер, любуясь, как закатное солнце золотит края белоснежных лепестков.

Лишь после этого он сел за письменный стол и вскрыл конверт.

С той самой дождливой ночи, когда дядя подобрал его на улице, они больше не виделись. Дядюшка Ли рассказывал, что хозяин улетел в командировку в Макао ранним утром следующего дня. Шэн Юань тогда метался в бреду, поэтому совсем не помнил, как мужчина заходил к нему в комнату перед отъездом.

Судя по календарю, дядя должен был вот-вот вернуться. Юноша развернул плотный лист бумаги. Почерк отправителя был размашистым, уверенным, с глубоким нажимом пера — буквы ложились ровно и строго.

«А-Юань,

Как тебе живется в усадьбе? Мастерская и студия звукозаписи на третьем этаже в твоём полном распоряжении, не стесняйся пользоваться ими.

Твой слуховой аппарат я отправил производителю. Модель слишком старая, поиск нужных деталей потребует времени. Поэтому я распорядился подобрать для тебя новый аппарат с учетом твоих особенностей. Его пришлют через полмесяца.

Р. С. После командировки в Макао я ненадолго заеду в Гонконг. Признаться, я не силен в выборе подарков. Что бы наш А-Юань хотел получить от дяди? Скажи дядюшке Ли, он мне все передаст».

Шэн Юань провел кончиками пальцев по рельефным строчкам, вдыхая едва уловимый аромат подсохших чернил. По иероглифам традиционного письма он сразу понял то, о чем раньше лишь догадывался: дядя, как и он сам, родом из Гонконга. У них была одна родина, они говорили на одном языке. Но даже это знание мало что меняло.

Между ними по-прежнему лежала непреодолимая пропасть.

Хозяин роскошного особняка и незванный глухой гость — они оставались несовместимыми мирами.

Шэн Юань перечитал письмо несколько раз, и на его лице сама собой расцвела робкая улыбка.

Ну кто в здравом уме станет писать бумажное письмо только потому, что не знает, какой выбрать сувенир? У них действительно не было личных контактов друг друга, но ведь оставался дворецкий. Дядя мог просто позвонить ему и передать все на словах, однако предпочел этот странный, долгий и старомодный способ.

Шэн Юань аккуратно убрал письмо обратно в конверт и бережно спрятал его между страниц книги — туда же, где уже лежал засушенный лепесток розы из усадьбы Цзыгэвэй. Пожалуй, так было даже лучше. Ему нравилось прикасаться к вещам, которые можно подержать в руках. Когда придет время уходить, у него останется не просто зыбкое воспоминание, а нечто осязаемое.

Оперевшись подбородком на ладонь, Шэн Юань задумчиво смотрел в окно — туда, где ровная дорога убегала за горизонт, растворяясь в багровом закате. Он только-только обустроился в Особняке Номер Один, но в глубине души уже вел обратный отсчет до своего неминуемого ухода.

Этим утром пришел ответ от Му Сюня. Тот без лишних споров согласился расторгнуть помолвку и пообещал объявить об этом во всеуслышание.

Как только новость начала распространяться, Шэн Юаню впервые за долгое время позвонил отец. Мужчина, мечтавший использовать этот брак ради спасения своего шаткого положения, пришел в неопишемую ярость. Узнав, что сын в одностороннем порядке разорвал соглашение, он брызгал слюной и сыпал проклятиями, готовый растерзать его на части.

Шэн Юань пропустил эти угрозы мимо ушей. Его волновало другое. До него дошли слухи, что против этой скандальной отмены помолвки ополчился весь клан Му. И единственным, кто пошел против воли семьи и уладил дело, был дядя.

Они ведь и правда были чужими людьми. Он называл его дядей лишь потому, что тот приходился родственником Му Сюню. Теперь, когда помолвка расторгнута, порвалась последняя ниточка, связывавшая их. Ласковое «дядя» теперь казалось неуместным и фальшивым.

Юноша прекрасно понимал: мужчина приютил его исключительно из жалости и благородства. Платить за доброту было нечем, и единственное, что оставалось Шэн Юаню, — не обременять его своим присутствием.

Он знал, что скоро придется уйти, и уже начал строить планы на будущее.

Пусть в его голове росла опухоль, а уши временно ничего не слышали, он все еще мог работать голосом, да и навыки рисования никуда не делись. Шэн Юань нашел подработку на платформе коротких видеороликов — озвучивал научно-популярные фильмы. Здесь не требовалось играть интонациями или выдавать бурю эмоций, достаточно было просто четко читать текст по субтитрам, что куда проще работы над радиоспектаклями. В свободное время он создавал эскизы для тату-салонов и брал коммерческие заказы на иллюстрации.

Он поклялся себе, что больше никогда не окажется на улице посреди ночи без гроша в кармане. Шэн Юань не верил в чудеса и понимал, что слепая удача вряд ли улыбнется ему дважды. Поэтому он медленно, шаг за шагом, упрямо копил деньги, чтобы твердо стоять на ногах.

На самом деле он мог бы съехать прямо сейчас. Но помимо щемящей грусти от скорого расставания, его удерживало кое-что еще.

Ему до безумия хотелось хотя бы раз услышать, как дядя говорит на кантонском.

В день, когда дядя должен был вернуться из Макао, Шэн Юань весь вечер просидел у окна. Он не сводил глаз с темной дороги, ожидая, когда на ней вспыхнут золотистые фары автомобиля. Удивительно, ведь возвращение планировалось только на следующий день, но дядя почему-то выехал сразу после завершения переговоров.

Часы неумолимо приближались к полуночи. Шэн Юаня охватило странное волнение, смешанное с робким страхом.

Сначала он сидел в обнимку с Яояо, пытаясь унять дрожь. Вскоре щенок сладко засопел. Время шло, усталость брала свое, и в конце концов Шэн Юань и сам не заметил, как уронил голову на сложенные руки и уснул прямо за столом.

Проснулся он в глубокой темноте. Шэн Юань недоуменно потер глаза и обнаружил, что лежит

в постели прямо в одежде, заботливо укрытый теплым одеялом. Рядом, свернувшись калачиком, сопел Яояо.

Но он ведь точно помнил, что засыпал у окна! Неужели он настолько обессилен, что дополз до кровати во сне и даже не запомнил этого?

Нащупав выключатель, он зажег ночник и спустил ноги на пол. На тумбочке у изголовья ровным рядом стояли нарядные коробочки с традиционным гонконгским печеньем. Именно такое когда-то покупала ему мама — знаменитая выпечка из старой пекарни.

Шэн Юань взял одно слоеное печенье в виде бабочки и, задумчиво покусывая его, вышел в темный коридор.

Ступая бесшумно, словно кот на мягких лапках, он скользил вдоль стен. Даже лунный свет не успевал за его тенью. Мужчина, застывший у окна в конце галереи, тоже не слышал его приближения.

Сквозь приоткрытую раму тянуло ночной прохладой и терпким запахом хвои. Тонкий полупрозрачный тюль лениво колыхался от сквозняка.

Му Сяодо стоял к нему спиной, задумчиво покачивая в бокале темно-рубиновое вино. На нем была лишь легкая домашняя шелковая рубашка. В этот час его высокая фигура казалась почти неотделимой от безмолвного ночного пейзажа за стеклом.

Шэн Юань впервые видел его без строгого, безупречно скроенного делового костюма — без этой вечной брони. Наедине со своими мыслями, окутанный сигаретным дымом и хмельным ароматом, он больше не походил на жесткого, расчетливого дельца, готового уничтожить любого конкурента. Сейчас перед Шэн Юанем стоял просто человек — уставший, земной и настоящий.

Время словно замедлило свой ход, растягивая мгновения до бесконечности. На долю секунды Шэн Юаню показалось, будто вокруг мужчины бушует невидимая ледяная буря, безжалостно срывающая последнюю листву с увядших ветвей. Этот одинокий силуэт в ночи в точности повторял образ, запечатлевшийся в его памяти в усадьбе Цзыгэвэй.

Дядя ничуть не изменился. Все то же высокомерие, та же недостижимая отстраненность и вечный холод.

Му Сяодо привык находиться на вершине, окруженный льстецами и партнерами по бизнесу, неся на своих плечах благополучие огромного и капризного клана. Шэн Юань всегда безошибочно выхватывал его фигуру из любой толпы. Но что видел сам Му Сяодо, когда смотрел на мир?

— Дядя... — тихо позвал юноша.

Он прекрасно понимал: приближаться к столь сильному человеку — все равно что играть с огнем. Рано или поздно ты непременно обжжешься.

Му Сяодо медленно повернулся вполоборота. Полумрак скрадывал резкие очертания его лица, делая взгляд еще глубже. Несколько верхних пуговиц на его рубашке были небрежно расстегнуты, обнажая рельефные очертания груди и сильной шеи, обычно скрытые строгим галстуком. От его расслабленной позы веяло скрытой, необъяснимой угрозой.

Му Сяодо неторопливо потушил сигарету в пепельнице. Алый огонек погас, оставив их наедине с лунным светом. Мужчина слегка приподнял ладонь, маня юношу к себе.

— Подойди.

<http://bllate.org/book/20131/2132031>